В преддверии Первосвятительского посещения Украины Святейший Патриарх Кирилл ответил на вопросы украинских журналистов

15 июля 2010 года в Патриаршей рабочей резиденции в Чистом переулке состоялась беседа Предстоятеля Русской Православной Церкви с представителями средств массовой информации Украины. В преддверии визита на Украину Святейший Патриарх Кирилл ответил на вопросы журналистов телеканалов «Интер», «Украина», «Первый национальный канал» и телерадиокомпании «Эра».

Я хотел бы приветствовать представителей украинских средств массовой информации и побеседовать накануне своего посещения Украины. В качестве вводных слов я бы хотел сказать о своих впечатлениях после первого визита — настолько я был тронут всем тем, что я увидел и прочувствовал на Украине.

Места, в которых я побывал, стали самым ярким воспоминанием минувшего года. Меня поразило, что, несмотря на сложный политический контекст, на противоречия, которые существуют в украинском обществе, абсолютное большинство народа хранит православную веру и духовные ценности, которые эта вера и определяет. Это те же самые ценности, которые хранят в России, Белоруссии, Молдове и в других местах. Это те ценности, которые и очерчивают параметры очень важного культурного и цивилизационного понятия, которое я бы сформулировал как Русский мир.

Для украинцев хочу подчеркнуть, что Русский мир не означает «российский». Тем более это не мир Российской Федерации. Это тот самый мир, который вышел из нашей общей купели — Киевской купели Крещения. Это тот самый мир, который существует на уровне веры, интеллекта, духовности и культуры. От того, что кто-то отрицает этот мир, ничего не меняется: этот мир существует, это объективная реальность. Я прикоснулся к этой реальности и почувствовал всю силу того удивительного духовного и культурного явления, которое порождено Православной Церковью. Вот это самый сильный опыт переживания.

Я с радостью снова еду на Украину. Я надеюсь посетить Одессу, Днепропетровск, Киев, опять помолиться со своим верующим народом, прикоснуться к святыням, о многом подумать и многое понять. Такие поездки очень важны для Предстоятеля Церкви.

Я хотел бы, пользуясь случаем, сказать, что Украина очень близка моему сердцу по многим

причинам. Но самая главная причина — это сила веры, это сила религиозного чувства, это чистота и естественность проявления этого чувства. Дай Бог сохранить людям эту веру, а вместе с ней и замечательную духовную традицию Киевской Руси.

— (Телеканал «Интер») Ваше Святейшество, спасибо за возможность услышать эти слова от Вас для наших украинских верующих. Не секрет, что Вы внимательно следите за тем, что происходит на Украине за тот год, что Вас не было в нашей стране. Как Вы считаете, что изменилось?

— В первую очередь, я и хотел бы увидеть, что изменилось. Как говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но уже сейчас понятно, что происходит политическая стабилизация, выравнивание экономических показателей, развитие отношений с миром и ближними соседями, включая Россию, с Европой, Соединенными Штатами. Я думаю, что налицо значительные качественные изменения в жизни украинского общества, хотя, может быть, это взгляд несколько со стороны. Вот мне и хотелось бы увидеть и почувствовать то, что происходит сегодня на Украине. Ну а если говорить кратко, я весьма положительно оцениваю развитие Украины в последние месяцы.

— (Телеканал «Интер») Недавно Вы призвали священнослужителей активнее использовать в общении с верующими людьми новые технические средства — Интернет, социальные сети. Но ведь это не может заменить человеческого непосредственного общения...

— Совершенно верно. Но что такое сегодня, допустим, социальные сети, Интернет, электронная почта? В конце концов, речь идет о конверте: используем ли мы классический конверт, кладем туда написанное от руки письмо или мы используем электронную форму. Все это технические носители — то, что к сути дела не относится.

Я должен сказать, что вижу в развитии этих социальных сетей, в развитии «живых журналов» одно очень важное положительное явление — возрождение эпистолярного жанра. Если мы возьмем вторую половину XX века, то это была эпоха умирания эпистолярного жанра. Люди перестали писать письма, все звонили друг другу по телефону. А ведь письмо очень дисциплинирует мысль. Конечно, если вы пишете близкому другу и если это письмо никто, кроме этого друга, не читает, то там можно и ошибки делать. Но всякая мысль, положенная на бумагу, когда она становится достоянием широкого круга людей, — особенно если есть обратная связь, когда на этот текст могут немедленно отреагировать другие, причем критически отреагировать, — очень дисциплинирует человека и развивает культуру письменного изложения своих мыслей. А способность письменно излагать мысли — это один из самых важных показателей культуры

человека. Поэтому развитие эпистолярного жанра на новом этапе является в культурном смысле очень важным положительным шагом.

А теперь что касается участия священников. Мы ведь апостолу Павлу не ставим в упрек то, что он развивал доктрину при помощи переписки. Все то, что создал апостол Павел, — это письма. Мы не ставим в упрек святым отцам, аскетам, подвижникам, наследием которых сейчас восхищаемся, что многие их творения — тоже в письмах. Вот и сейчас у священников, у богословов есть возможность передавать письменно свои мысли, делиться своим духовным опытом, отвечать на недоумения других людей, включаться в полемику. Это, конечно, огромный вызов, потому что когда священник подписывается своим полным именем, когда все остальные знают, что это священник говорит, то ответственность очень высока. Поэтому я призываю духовенство участвовать во всей этой современной жизни, в этом обмене информацией, но только с очень высоким чувством ответственности. Нельзя просто болтать в Интернете, нельзя свои собственные мысли подавать таким образом, чтобы люди воспринимали это как мысли Церкви. Поэтому, с одной стороны, я призываю духовенство к тому, чтобы они активнее использовали эти новые конверты для переписки, но, с другой стороны, учитывая, что возрастает ответственность, предлагаю очень серьезно готовиться как в духовном, так и в интеллектуальном смысле для участия в такого рода работе.

— (Телеканал «Интер») Ваше Святейшество, не секрет, что на Украине и в России имеют место так называемые социальные болезни. Какова роль Церкви сейчас? Может ли эта роль быть гораздо более сильной, для того чтобы бороться с гордыней, со стяжательством, с жадностью?

— В этом-то и заключается, в первую очередь, социальная роль Церкви. Мы сегодня не ограничиваем себя только работой с личностями, и мы не ограничиваем проповедь Церкви только проповедью индивидуальной нравственности. А почему? А потому, что история показала: если мы работаем только с человеком, но не занимаемся социальным измерением, то мы упускаем из вида, из пастырского внимания главное — как внутренний мир человека реализует себя в социуме. Конечно, из сердца, как говорит Писание, исходят злые помыслы (см. Мк. 7, 19). Жадность, гордыня, злоба, раздражительность, ревность, зависть — огромное количество проблем душевных — возникают там, в сердце, но выплескиваются-то они наружу. Мы их можем наблюдать в масштабах страны, в масштабах общества — как, допустим, проблемы в экономике, когда вдруг криминал начинает разрушать, как раковая опухоль, здоровую ткань экономической жизни, разрушать общество. В политике — когда политики занимаются не тем, чтобы объединять людей и служить им, а разделяют людей во имя своих узких политических интересов. А что в результате? А в результате вздыбливается национальная жизнь, ломаются судьбы, разрушаются семьи — ведь когда наступает острый политический кризис, он проходит по человеческим судьбам…

Отчего все это? От внутреннего состояния. Человек, воспитанный в ответственности пред Богом, не сможет свое внутреннее зло проецировать на общественную, политическую, экономическую жизнь, на законодательную область — ведь как тесно она связана с нравственностью.

Вот почему сегодня Церковь говорит, что она идет по миру, держа в руках крест Господень. А что такое крест? Это пересечение вертикального и горизонтального измерений. Вертикальное измерение — это внутреннее измерение человека: человек и Бог. А горизонтальное — это участие человека в общественной жизни. Поэтому ни в коем случае нельзя входить в индивидуалистический морализм и говорить: «Все, что касается общества, нас не интересует — мы только человеком занимаемся»; как нельзя говорить и другое, что сегодня нередко присутствует в мировом христианстве: «Мы занимаемся общественными проблемами, а личная жизнь — это личная жизнь человека; там его свобода, там он сам все определяет». Православная Церковь ни в коем случае не выступает против свободы личности, но призывает человека к такому развитию, когда свобода реализовывалась бы в рамках нравственной ответственности человека пред Богом.

— (Первый национальный телеканал) Наше современное общество называют обществом потребителей. Что Церковь делает для того, чтобы духовные ценности возобладали в человеке над материальными?

— Вы очень правильно сформулировали вопрос — почти так, что мне и отвечать нечего. Потому что, с одной стороны, материальное потребление — это естественное стремление человека: если человек не будет заботиться о материальном потреблении, он погибнет. Эта потребность заложена в наших инстинктах — мы должны есть, пить, одеваться, заботиться о продолжении человеческого рода. Это все связано с выживанием человека, и ни в коем случае Церковь не может занять некую отстраненную, морализаторскую позицию: «знаете, не думайте обо всем этом». Особенно сегодня, когда еще так много в наших обществах людей бедных, когда речь идет порой о том, что люди недоедают, когда у них не хватает денег на самое основное. Я уж не говорю о полноценном образовании, медицинском обслуживании, полноценном отдыхе, о культурной жизни... И поэтому Церковь не может сегодня говорить: «Знаете, это все плохо». А вот против чего Церковь выступала, выступает и будет выступать? Она выступает против того, что святые отцы называли «похотью плоти» — это когда доминантой человеческой жизни становится потребление. Вот тогда похоть (а похоть — это болезнь, это нарушение внутреннего баланса) становится господствующей в человеке. Такой человек заботится только о материальном, духовное измерение уходит. Очень важно, чтобы человек, особенно современный, помнил удивительные слова Спасителя: Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою погубит? (см. Мф. 16, 26). Нужно золотыми буквами написать и повесить эти слова в каждой комнате, особенно в

гардеробных комнатах некоторых богатых людей. Ведь какая польза человеку — весь мир приобретать, а душу свою погубить?

Вот поэтому Церковь должна все расставлять на свои места в сознании людей, причем должна говорить все это очень естественно, с любовью, не отстраняясь, не с высоты своего положения поучая людей, которые иногда в бедности живут, но в солидарности с бедными людьми провозглашать духовные ценности. Тогда никто нас не обвинит в лицемерии, в ханжестве, но люди со вниманием отнесутся к проповеди Церкви.

Проповедь, о которой мы сейчас говорили, имеет сегодня огромное значение для выживания всей человеческой цивилизации, потому что потребительская психология, «похоть плоти» нежизнеспособны — они разрушают духовное измерение человеческой жизни, а значит, превращают человека в животное.

— (Первый национальный телеканал) Является ли, на Ваш взгляд, массовая культура, поп-культура угрозой нравственности нашего современного общества? Что сделать, чтобы молодежь оставить нравственной и привить духовность, которая сегодня так зыбка и так легко утрачивается?

— Мы используем слово «массовая культура», часто не задумываясь о том, что это означает. Нам кажется, что массовая культура — это культура масс. Это совсем не так — культура масс называется «народная культура». Термин «массовая культура» возник в то же самое время, когда появился термин «средства массовой информации». Почему? Потому, что массовая культура — это та культура, которая тиражируется средствами массовой информации и коммуникации, которая в основном живет за их счет. Возьмите любое направление массовой культуры: если вы средства массовой информации уберете — и явления нет.

Поэтому очень важно помнить, в первую очередь средствам массовой информации, что не всякое проявление так называемой культурной жизни человека достойно того, чтобы к этому проявлению приобщать десятки и сотни миллионов людей. Культура — я об этом много раз уже говорил — призвана взращивать человека, культивировать человеческую личность. Откуда происходит слово «культура» — сельскохозяйственная культура, религиозная культура — то, что взращивает, и то, что связывает человека с Богом; отсюда и слово «культ». Так вот, что очень важно понимать? Если культура разрушает человеческую личность, это не культура, а антикультура, это бесовщина. И если средства массовой информации превращают это явление в массовое явление, то это беда. Поэтому здесь требуется огромное внимание тех, кто влияет на средства массовой информации, тех, кто их поддерживает, но, в первую очередь, самих ответственных работников средств массовой информации — для того чтобы уметь различать духов, чтобы греха на душу не брать.

Конечно, сейчас мы живем в информационно едином мире: можно не брать грех на душу на Украине, это произойдет в другой европейской стране, но все это во мгновение станет известно и на Украине, и в России. И здесь нельзя поставить никаких преград, и ставить не нужно, но я думаю, что мы должны через средства массовой информации воспитывать людей в понимании того, что опасно для их духовной жизни, а что полезно.

Это конечно, в первую очередь, роль Церкви. Но если Церковь будет опираться на средства массовой информации, то и ее слово тоже станет массовой культурой.

— (ТРК «Украина») Ваше Святейшество, в свое время Вы, говоря об украинской политике, говорили, что любая вдумчивая политика в Украине невозможна без гармонизации интересов украинского общества в системе базовых ценностей. Скажите, пожалуйста, какие именно базовые ценности Вы имели в виду и каким образом, по-Вашему, возможна эта самая гармонизация Украины?

— Что касается базовых ценностей, это те ценности, которые рождены нашей верой, потому что в духовной основе создания древнерусского государства, от которого произошли уже современные суверенные государства, в том числе и Украина, лежали религиозные ценности. Это матрица, которая сформировала мировоззрение людей, их мироощущение, систему ценностей; причем это та матрица, которая существует 1000 лет. Какие усилия предпринимались для того, чтобы ее разрушить, особенно в постреволюционное время! Да и не только в постреволюционное, но и в дореволюционное…

И когда я говорю о необходимости сохранения базисных ценностей, я, в первую очередь, говорю о том, что нельзя разрушать эту матрицу народной жизни. Потому что если мы разрушим ее, то перестанем быть русскими или, как теперь говорят, россиянами, украинцами, белорусами… Мы станем другими, у нас останется только название — Украина, Россия, Белоруссия, но мы станем другими. Это будет огромная цивилизационная катастрофа — как и в случае, если другие народы потеряют свою идентичность. Мир станет унифицированным и страшным, мир станет легко манипулируемым. Почему? Потому, что эта духовная культура, традиционная для большинства людей, является главным критерием для различения добра и зла.

Так вот, когда мы говорим о современной Украине и о современной России, мы должны понимать, что существует огромное количество вызовов этим ценностям. Часто они связаны с политической ориентацией, с культурной ориентацией, с влиянием других культур на национальную жизнь. Для того чтобы сохранить в единстве народ (в данном случае мы говорим об Украине), важно сохранить базисные ценности и на основе этих базисных ценностей гармонизировать те слои

общества, которые впитали в себя более поздние культурные влияния и которые, во-первых, иногда настаивают на этих культурных различиях, а, во-вторых, хотят эти культурные различия распространить на другую часть украинского общества.

Для того чтобы страна сохранилась в единстве, царство не должно разделиться само в себе (см. Мк. 3:24). При всем многообразии взглядов и предпочтений, в чем оно не должно разделиться? Именно в этих базисных ценностях. Тогда плюрализм не страшен: кому чай с молоком, кому с сахаром — выбирайте, что хотите.

Мы сохраняем единство как народ. Мы входим в семью других европейских народов не как ведомые, которые смотрят в рот другому, более сильному партнеру — мы входим как равноправные партнеры, носители собственного исторического и культурного кода.

Я думаю, что в каком-то смысле это важно сегодня для всех народов. Кстати, лучшие умы в Европе и в других странах это хорошо понимают. Я имел возможность выступать в ООН на Совете по правам человека, и мы касались, в том числе и я в своем выступлении, этой темы — темы сохранения национальной, духовной, культурной, религиозной идентичности. На этом заседании присутствовали послы почти всех стран мира, входящих в ООН, и я не услышал ни одного отрицательного комментария. Все понимали, что в условиях глобализации это огромный вызов — мы должны сохранить многообразие и красоту Божиего мира, при том, чтобы развивать, конечно, доброе международное сотрудничество и мирные отношения между народами.

— (ТРК «Украина») Ваше Святейшество, сейчас в Италии запрещают вешать кресты в школах, во Франции мусульманки уже не могут ходить в хиджабах в госучреждениях, в то время как в России, наоборот, вводят уроки основ православной культуры. Скажите, пожалуйста, какова с Вашей точки зрения идеальная модель сосуществования Церкви и государства?

— Сегодня европейские страны, в том числе Россия и Украина, провозгласили себя странами секулярными, где Церковь отделена от государства. Мы должны мыслить в этом конституционном поле. Есть люди, которые критически относятся к теме отделения Церкви от государства, и есть люди, которые относятся к этому весьма положительно. Но вне зависимости от частных мнений фактом является то, что современные европейские страны — страны секулярные. Мне кажется, что сейчас происходит очень опасное злоупотребление и термином, и понятием.

Что означает секуляризм и как он возник? Он возник как политическое явление в Западной Европе. Это был ответ общества на клерикализацию политики, когда в целом ряде западноевропейских государств светскими правителями были епископы, представители

духовенства, включая Римского Папу. Эти церковные правители осуществляли, конечно, соответствующим образом свою политику, в том числе отталкиваясь от своего понимания, как это все должно быть устроено, что не всегда находило понимание в обществе, в народе — недаром возник такой термин, как тирания. Против тирании выступила Французская революция — не будем сейчас входить в определения и в анализ, правильно это было или неправильно; но борьба была, в том числе и с клерикализмом.

А что было предложено взамен? Вместо участия духовенства в управлении государством был провозглашен принцип невмешательства Церкви в государственное управление, как и невмешательство государства в управление Церковью. Вот и все. Это и есть отделение Церкви от государства. А что сейчас происходит? Сейчас, прикрываясь этим термином, создают ложное его толкование, которое предполагает вытеснение религии из общественного пространства. То, что мы сейчас наблюдали в Италии, — это и есть попытка вытеснить религиозную традицию из общественного сознания. Какое это имеет отношение к управлению? Никакого. А мы знаем с вами, что ведь кресты могут не только из школ убирать — их могут и с храмов спиливать. И где же гарантия того, что завтра какая-то дама или какой-то господин не подаст в Европейский суд иск по поводу того, что его дети ходят в школу мимо храма, на котором крест, или мимо мечети, на которой полумесяц?

Мы наблюдаем сейчас активную попытку вытеснять — особенно христианскую культуру, христианскую веру из жизни Европы. Но как замечательно, что на поддержку Италии встали такие православные страны, как Россия, Греция, Кипр, католические Литва, Польша и многие другие. Поэтому мы должны ясно говорить нашим оппонентам о том, что не готовы принять секуляризацию как синоним безбожного, нерелигиозного мира. Тогда это не секуляризация — тогда это победа одной из идеологий, тогда это победа атеизма; мы же с вами уже жили в атеистическом в обществе и знаем, что это такое.

Что касается преподавания основ православной культуры в России, то, конечно, это не идет вразрез с принципом отделения Церкви от государства, потому что преподаются не только православная культура, но и исламская, иудейская, буддийская, а также, по предложению Православной Церкви, преподается и светская этика, светская культурная и нравственная традиция. Сейчас многие выбирают этот курс, и в этом я не вижу ничего плохого. Но важно, чтобы все эти курсы были сконцентрированы на достижение одной цели — формирование высокой нравственности у подрастающего поколения. И все это, по моим наблюдениям, никак не противоречит принципу отделения Церкви от государства.

— (ТРК «Эра») Ваше Святейшество, отчасти в продолжение предыдущего вопроса. Когда говорят о влиянии Церкви в обществе, часто называют количестве верующих и

количество приходов, но редко говорят о качестве. О качестве священника говорит способность руководить приходом, организовывать прихожан. Как добиться того, чтобы количество приходов переходило в качество священника, если так можно выразиться?

— А я бы еще продлил Ваш вопрос и осложнил его: как добиться того, чтобы количество приходов отражалось на качестве людей? Вот самая главная задача. Это то, над чем мы все сейчас думаем и над чем работаем. Только что мы говорили о религиозной мотивации и о нравственной мотивации вообще. Сегодня религиозная мотивация занимает очень небольшое место в жизни людей — выбор происходит чаще всего по прагматическим соображениям. Но если верующий человек не руководствуется своей верой в принятии важных решений, что означает его вера?

Человек становится по-настоящему верующим, когда он мотивирует свои поступки своими религиозными убеждениями, нравственным христианским кодексом, заповедями блаженств, если уж говорить на совсем церковном языке. Количество людей, называющих себя православными, в Украине, России, Беларуси гораздо больше тех православных, которые посещают храм. Если из тех, кто посещает храм, выберем людей, которые стремятся руководствоваться своей христианской православной моралью в конкретных жизненных обстоятельствах, то их будет еще меньше. Я бы сказал так: непочатый край работы.

И в Вашем вопросе есть нечто, что меня особенно волнует: это нравственное, духовное состояние духовенства. Священники — это люди, которые должны подавать пример; поэтому воспитание современного священника, создание условий для его постоянного духовного роста является важнейшей задачей епископата. Очень часто молодой человек приходит в семинарию с горящими глазами, с огромным энтузиазмом. Заканчивает семинарию — энтузиазм сохраняется, глаза уже не так блестят. Начинает служить на приходе — глаза уже не блестят и энтузиазма нет…

Как сделать так, чтобы энтузиазм у молодого человека, который решил посвятить себя Господу, который готов был идти на определенные лишения и ограничения, не угасал, а развивался с годами? Мы имеем примеры таких замечательных священников, подвижников. Я сейчас много езжу по приходам, по епархиям, встречаюсь с людьми, которые в тяжелейших климатических условиях, в тяжелых материальных условиях, с огромным воодушевлением осуществляют свое служение. Скажу для кого-то совсем неожиданную вещь: мы очень нуждаемся в подвижниках; и нужно делать все для того, чтобы таких подвижников становилось как можно больше. Они как локомотивчики — потянут за собой весь народ.

— (ТРК «Украина») Ваше Святейшество, Вы, что называется, сняли с языка у меня вопрос, как говорят у нас в Украине. Цифры свидетельствуют о том, что количество

христиан в мире по отношению ко всему населению планеты неуклонно сокращается — понятно почему. Как, по Вашему мнению, побудить христианские Церкви, вместо соперничества, которое, как Вы знаете, иногда приобретает ужасные формы, объединить усилия для расширения влияния христианства в мире — если это, конечно же, нужно?

— Это очень нужно. Для того чтобы не было соперничества среди близких по духу христиан, важно исключить влияние политического фактора на религиозную жизнь. В истории всегда так бывало, что политика внедрялась в церковную жизнь и последствия были страшны. В конце концов, исторический раскол Востока и Запада в XI веке на православный Восток и католический Запад был результатом привнесения политических мотивов, политических факторов в церковную жизнь. Об этом даже не нужно говорить — это хрестоматийный пример того, что происходит с Церковью, когда она начинает руководствоваться политическими соображениями.

Есть и второй очень важный момент — это стремление к власти, если оно не связано с духовной жизнью человека. Духовная власть может иметь очень положительное измерение — это, в первую очередь, духовный авторитет. Возрастание духовного авторитета очень важно. А вот возрастание бюрократических властных полномочий может быть опасным, но чаще всего борьба — в прошлом, да, может быть, и в настоящем — происходит именно вокруг этих бюрократических властных полномочий.

Вот то, что касается близких по духу христиан. Но есть еще одна проблема, если говорить о всем христианском мире, а именно то, что часть этого христианского мира сегодня живет по иным законам — по законам светского общества. Не в том смысле, что граждане, принадлежащие к этим религиозным группам, являются хорошими и законопослушными гражданами. Речь идет о другом: христиане впускают в свой внутренний мир греховные стихии мира и оправдывают эти стихии, если они предлагаются светским обществом. Вот такие явления мы сегодня встречаем в современном протестантизме — очень опасные явления, когда под влиянием светских либеральных взглядов на жизнь эти светские философские либеральные штампы повторяются внутри протестантских Церквей и укореняются в религиозном сознании.

Именно так возникла тема женского «священства» — она не была продиктована миссионерскими соображениями. Когда я спросил у одного протестантского руководителя: «Скажите, с появлением женщин-“священников” у вас увеличилось количество прихожан?», он улыбнулся и сказал: «Нет». — «Это не было миссионерским проектом?» — «Нет, это было просто уважение к правам личности». То есть светское понятие прав человека было инкорпорировано в богословие, в церковную практику — вопреки всему церковному христианскому преданию. Вся апостольская традиция исключает эту практику, а в угоду светскому либеральному стандарту эта практика

инкорпорируется в церковную жизнь.

Вторая аналогичная проблема — это отношение к гомосексуализму. Здесь в угоду светскому либеральному стандарту искажается уже Слово Божие. Черным по белому написано, что это грех. И что же вы думаете? Наши братья говорят: «Ну нет, это не так нужно понимать; это вовсе не грех, это, знаете, просто культурный контекст того времени, когда писал апостол Павел». Получается, в угоду либеральному стандарту можно даже отказаться от источника своей веры.

Недавно я встречался с одним очень ответственным экуменическим лидером. Я ему стал говорить о том, что происходящее в протестантизме все дальше и дальше отдаляет протестантов и от православных, и от католиков; тем самым усиливается внутренний разрыв в христианском мире, а если он будет усиливаться, то нам будет трудно отстаивать христианские ценности. И то, что он мне сказал, меня поразило и одновременно помогло понять, насколько же глубок этот кризис христианства. Он мне спокойно сказал: «Ну что особенного происходит? У нас же есть различные отношения к проблеме Ближнего Востока; у нас же есть различные отношения к экономическому кризису — вот у нас и разные отношения к гомосексуализму».

Если путем внутреннего диалога между православным и протестантским миром нам не удастся изменить ситуацию, то я вижу весьма печальную перспективу — еще большее отдаление протестантского мира от Православия, а значит, и ослабление общехристианского свидетельства. Поэтому огромная задача стоит перед Православной Церковью — свидетельствовать о чистоте апостольской традиции, о чистоте веры, в том числе и перед лицом неправославных христиан.

— (ТРК «Украина») Ваше Святейшество, буквально два слова о взаимодействии — я так понимаю, между католицизмом и Православием нет такой пропасти, как между протестантизмом и Православием?

— В католическом мире тоже есть либеральные тенденции. Они набирали силу во второй половине XX века, и мы на православном Востоке с тревогой наблюдали за этими тенденциями. Но должен сказать, что позиция нынешнего Папы Бенедикта XVI вселяет в нас оптимизм. Может быть, за это его и критикуют так либеральные богословы и либеральные СМИ на Западе, но его позиция по многим общественным и нравственным вопросам полностью совпадает с позицией Православной Церкви. Это дает нам возможность вместе с Католической Церковью отстаивать христианские ценности, в том числе и на уровне международных организаций и международном пространстве.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/56959/